

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАРАДОКСА ЭДИПА

Я. Ю. Васильев

Ухтинский государственный технический университет

Поступила в редакцию 9 января 2021 г.

Аннотация: в статье дан краткий обзор структуры прогностического парадокса, известного как эффект Эдипа (ЭЭ), ведущий к самоосуществлению или саморазрушению прогноза. ЭЭ как парадокс возникает в момент оценки субъектом прогностической информации. Оценка информации, в свою очередь, зависит от ценностных, в особенности морально-этических установок субъекта.

Ключевые слова: эффект Эдипа, оценка прогнозной информации, система ценностей, ценностные установки, моральный выбор.

Abstract: the article provides a brief overview of the structure of the prognostic paradox known as the Oedipus effect. The Oedipus Effect (OE) is a prognostic paradox leading to self-fulfillment or self-destruction of the prediction. OE as a paradox arises at the moment when the subject evaluates predictive information. Evaluation of information in its turn depends on the value attitudes especially on the moral and ethical attitudes of the subject.

Key words: the Oedipus effect, evaluation of forecast information, value system, value attitudes, moral choice.

Эффект (или парадокс) Эдипа (ЭЭ) известен по античной трагедии Софокла «Царь Эдип» [1]. Различные философско-психологические интерпретации трагедии привели к формулировке прогностического парадокса, суть которого сводится к проблеме самоосуществления или саморазрушения прогнозов. В психологии похожий эффект называется эффектом Пигмалиона, или эффектом Розенталя [2]. В социологии Р. Мертон назвал ЭЭ самоосуществляющимся пророчеством [3, с. 608]. Также в социологии известна «теорема Томаса» [4]. У. Томас отметил: «Если человек (или общество) определяет ситуацию для себя как реальную, то она становится реальной по своим последствиям». В философии ЭЭ впервые упомянул К. Поппер в работе «Нищета историцизма» [5], посвященной методологии социальных наук. В отечественной литературе заслуживает внимания исследование А. М. Гендина, где он рассмотрел способы нейтрализации парадокса путем включения его в само прогностическое исследование [6].

Основные компоненты парадокса – это объект, субъект и прогнозная информация. Объектом социального прогнозирования обычно выступает социальное явление (процесс). Парадокс может возникнуть только при условии, что объект – это открытая система, способная видоизменяться под воздействием неких факторов, в том числе прогностической информации об объекте.

Субъект прогноза – это человек или группа лиц, будущее которых описано в прогнозе. Кроме субъекта на прогноз оказывают влияние прогнозист (предсказатель, пророк), составляющий прогноз, и тот, кто заказывает прогноз или может существенно повлиять на процесс прогнозирования. И прогнозист, и заказчик участвуют в прогнозном процессе, так как могут либо скрыть от субъекта нежелательную для них информацию, либо исказить ее, либо даже передать субъекту ложную информацию о его будущем [7].

Прогнозная информация носит вероятностный характер. Но, если ее ценность и значимость для субъекта важны, субъект, опираясь исключительно на свои внутренние мотивы, свои ценности и ориентиры, может изменить гносеологический статус прогнозной информации, т. е. изменить свое будущее. Отсюда ясно, сколь велико значение истинной (высоко вероятной) информации о будущем для субъекта (как, впрочем, и просто вероятной). Парадокс и возникает, когда субъект вмешивается в ситуацию и целенаправленно меняет будущее, опираясь на информацию об этом будущем.

В статье А. М. Гендина [6] этот момент отмечен с чисто методологической точки зрения. Он указывает, что для построения устойчивого прогноза нужно три этапа. Сначала составляется первичный прогноз без учета возможного вмешательства (прогноз «А»). Затем прогноз оценивается и намечаются меры по изменению нежелательных последствий и укреплению благоприятных тенденций. Именно на этом этапе происходит саморазрушение или самоосуществление прогноза «А». После определения степени и меры вмешательства в прогнозируемую тенденцию составляется прогноз «Б» для понимания и оценки последствий вмешательства [6; 8].

Однако какова причина вмешательства субъекта в будущее? Дело в том, что в моменте генезиса ЭЭ есть и гносеологический аспект. Любой прогноз носит вероятностный характер, а вот ценностные установки личности носят характер категорического императива (И. Кант). Соответственно, при оценке вероятностной информации зачастую субъект, не дожидаясь процедуры верификации прогноза (хотя бы косвенной), сразу оперирует информацией как истинной. Такая ситуация описывается в философии понятием «опережающее отражение» [9]. Умозрительная гипотеза, имеющая косвенное (на текущий момент) отношение к будущему событию, осмысливается и принимается за истину.

Этот момент условного гносеологического превращения (гипотезы в условную «истину») в сознании субъекта имеет именно аксиологическое объяснение. Прогнозная информация так и осталась неverifiedированной (будущее еще не наступило), но ее субъективное восприятие изменилось. Основой субъективной переоценки гипотезы в истину явилась значимость информации в отношении пользы или вреда, угрозы или безопасности, желательность добра и нежелательность зла для познающего субъекта.

Такова аксиологическая (оценочная) метаморфоза прогнозной информации от гипотезы и предположения до убежденности в истинности суждения, и всё благодаря ценностной значимости аксиологической составляющей. Именно ценности превращают умозрительную гипотезу относительно туманного будущего в категоричное умозаключение, столь сходное по своим практическим последствиям с уже верифицированной информацией. То есть именно оценка информации с позиции блага или вреда становится источником и причиной активного вмешательства в прогнозируемый процесс. Прогнозная информация, чтобы стать источником саморазрушения или самоосуществления прогноза, должна нести явную ценностную нагрузку, побуждать субъекта к активности.

Тут возникает два вопроса. Что является источником оценочных суждений субъекта и как это увязано с объективным прогнозируемым процессом? Можно смело предположить, что поведение субъектов прогноза в определенной степени уже детерминировано теми морально-нравственными ориентирами, которые сложились у человека в ходе его социализации. Эти ориентиры выступают системой координат, в которой человек оценивает конкретные события жизни.

В мифе о царе Эдипе действия главного героя привели к самоосуществлению страшного пророчества [10]. Мог ли Эдип избежать своей участи? Конечно. Не надо было убивать незнакомца. Убил? Запустил предначертанный сценарий. Эдип довольно прямолинеен в своих действиях и руководствуется страхом и эгоизмом. Он не пожелал выбрать более сложный путь деятельного недеяния (например, полного отказа от убийства даже при угрозе жизни).

Кроме поверхностной эгоистичной реакции на будущие угрозы существуют иные варианты поведения, обусловленные принципами, аксиологическими детерминантами, ведущими к определенным оценкам и соответствующим моделям поведения. В терминах «понимающей» социологии оценка прогнозной информации относится к так называемым ценностно-рациональным действиям (М. Вебер). Как пишет сам великий социолог, «чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности “предмета” любого рода» [11, с. 629].

Для того чтобы иллюстрировать тезис о моральной обусловленности поведения и влияния на будущее, обратимся к теории игр. Там рассматриваются ситуативные стратегии кооперации, конкуренции, эгоцентризма или солидарности, исходя из конкретных условий. Моральный выбор человека в таких теориях выступает ключевым фактором, детерминирующим один из вариантов развития. Важным элементом анализа в этих теориях является противоречие между индивидуальным благом и общей выгодой. Именно в теориях игр показано, что некоторые ситуации в разных вариантах развития обладают внутренней логикой и обусловлены разными морально-ценностными установками.

Рассмотрим для примера известную «дилемму заключенного» (таблица).

Т а б л и ц а

«Дилемма заключенного» [12, с. 97]

№	Стратегии поведения	Срок тюремного заключения А	Срок тюремного заключения В
1	Оба признаются	3 года	3 года
2	Оба не признаются	0,5 года	0,5 года
3	А признается, В – нет	0 лет	5 лет
4	В признается, А – нет	5 лет	0 лет

В таблице мы видим пространство решений, в котором учтены все возможные стратегии и все возможные варианты развития событий. Но задача прогнозирования состоит в том, чтобы дать конкретный прогноз, и тут просто необходимо знать моральные установки фигурантов. Статистически, большинство выбирает признание. Люди готовы терпеть ущерб, но блокируют возможность другого фигуранта выйти на свободу за их счет. В. А. Лефевр в своей работе «Конфликтующие структуры» отмечает противоречивость ценностно-рационального анализа ситуации: «Подозреваемые понимают, что, с одной стороны, им обоим выгодно не признаться, а с другой, каждому выгодно выдать своего товарища, если тот не признается. Таким образом, любое решение, которое примет заключенный, неудовлетворительно с точки зрения рациональности» [13, с. 33]. Важнейшим моментом тут является ценностное понимание рациональности. Внутриситуативная индивидуальная рациональность нагружена этической составляющей, напрямую увязана с проблемой морального выбора и ценностным определением блага личности в его конкретной ситуативной форме. Получается, что игнорировать моральный фактор в анализе такого рода ситуаций – значит игнорировать ключевой элемент в системе принятия решений субъектом.

По статистике исследований испытуемые всегда выбирали не оптимальный солидарный вариант, а вариант избегания бóльшего зла, как-вым они полагают несправедливое освобождение одного за счет другого. В контексте прогнозирования каждый из фигурантов предполагает, что его могут обмануть и воспользоваться его бескорыстием, и на этом основании принимает решение.

Теперь рассмотрим поведение, определяемое не рефлексивной рациональностью, а некими принципами. Так, в уголовной среде распространены определенные правила, регламентирующие поведение членов этого сообщества. Согласно этим требованиям сотрудничать со следствием и идти на сделки нельзя. Если оба заключенных придерживаются неписанных уголовных правил, то они оба будут молчать и получат по полгода. Это солидарный и выгодный для них вариант № 2. Если же криминальной идеологии придерживается только один, он будет молчать и получит 5 лет. Таким образом, информация об отношении преступников

к своеобразному уголовному «кодексу чести», даст нам возможность четко спрогнозировать, какой из вариантов, указанных в таблице, будет выбран носителем неформальных уголовных принципов.

Теперь допустим, что один из преступников во время следствия раскаялся, уверовал в Бога и стал руководствоваться христианской моралью. Как он должен поступить? Безусловно, признаться в совершенном преступлении, рассказать всю правду. В таком случае он или выйдет на свободу, или сядет на три года. Опять же знание морального состояния одного из субъектов сужает нам пространство вариантов. Он точно не сядет на 5 лет и точно не получит полгода.

Опираясь на данную выше таблицу и зная морально-этические установки субъектов, мы всегда сможем спрогнозировать, по какому сценарию пойдет ситуация и какой выбор будет сделан. Поскольку все ходы известны, то речь, видимо, может идти только о самоосуществлении выбранных сценариев.

Однако будущее большинства систем невозможно редуцировать до таких альтернатив и выстроить схему всех возможных последствий бывает затруднительно. Например, некий банковский аналитик получает прогнозную информацию о приближающемся кризисе в его банке. Его эмоциональный уровень тут понятен: он испытывает страх. Но моральные императивы могут быть разные. Корпоративная лояльность требует известить руководство и выполнять решения этого руководства. Гражданский долг требует известить контролирующие организации и придерживаться законных процедур, предусмотренных для таких случаев. Ну а общественная нравственность требует известить вкладчиков и клиентов об угрозе потери их средств. Тут есть множество сценариев. Молчание не выход. Процесс от этого не остановится. Извещение публики явно приведет к панике и точно подтолкнет банк к краху, т. е. к самоосуществлению прогноза. Извещение руководства может привести как к самоосуществлению, так и к саморазрушению прогноза, если решения начальства будут направлены на сокрытие рисков от вкладчиков и инвесторов и тайный вывод средств, или, наоборот, будут приняты энергичные меры для спасения банка и средств клиентов. Таким образом, моральные установки мелкого банковского клерка становятся решающим фактором, запускающим тот или иной сценарий развития событий.

Тезис о том, что разные моральные ценности приводят к разному практическому и жизненному результату, кажется банальностью. Но в контексте проблем прогнозирования и возникновения ЭЭ, в частности, этот вопрос увязывается с социальной онтологией. Процессы, развертывающиеся в будущее, объективны. Да, они подвержены влиянию и коррекции, но говорить о конструктивизме и строительстве будущего только силами самих субъектов, на наш взгляд, неоправданно. Речь идет о возможной исследовательской программе, предложенной Спинозой. В своей работе «Этика, доказанная в геометрическом порядке» Спиноза искал детерминирующие связи между этическими постулатами и онтологическими характеристиками бытия.

Таким образом, при анализе эффекта Эдипа мы обратили внимание на тесную связь этого парадокса с морально-ценностными характеристиками личности. Прежде всего, сам парадокс возникает в момент оценки субъектом прогнозной информации. Именно негативная или позитивная оценка побуждает человека вмешиваться в будущее. В свою очередь, негативные или позитивные оценки ситуации напрямую зависят от морально-нравственных ориентиров субъекта. Моральный выбор напрямую влияет на сценарий будущего, на то, какая из вероятностных линий воплотится в жизнь. Обычно люди выбирают инерционный рефлекторный сценарий при реакции на угрожающую прогнозную информацию. Однако на примере задачи из теории игр можно увидеть, что при наличии моральных установок, отличных от простейших эгоцентрических реакций, сценарии развития событий будут совершенно другими.

Выделив эти компоненты в структуре ЭЭ, мы подошли к проблеме того, как этические установки, детерминирующие поведение субъекта, влияют на саморазрушение или самоосуществление прогнозов. Тут рано делать какие-либо заключения, но, по мнению авторов, перспективным направлением для исследования может стать анализ разных уровней социальной реальности, природы солидарных отношений, устойчивости социальных структур и институций в части их морально-этической составляющей. Но это отдельная большая работа, требующая дополнительных исследований.

Литература

1. *Софокл. Царь Эдип / Софокл // Драммы.* – М. : Наука, 1990.
2. *Rosenthal R. Pygmalion in the classroom / R. Rosenthal, L. Jacobson // The urban review.* – 1968. – September. – Vol. 3.
3. *Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон.* – М. : Хранитель, 2006. – 873 с.
4. *Thomas W. I. The child in America : Behavior problems and programs / W. I. Thomas, D. S. Thomas.* – N. Y. : A. A. Knopf, 1928. – P. 571–572.
5. *Поппер К. Нищета историцизма / К. Поппер // Вопросы философии.* – 1992. – № 8–10.
6. *Гендин А. М. Эффект Эдипа и методологические проблемы социального прогнозирования / А. М. Гендин // Вопросы философии.* – 1970. – № 4. – С. 80–89.
7. *Васильев Я. Ю. Проблема субъекта в социальном прогнозировании (постнеклассический подход) / Я. Ю. Васильев // Socio time / Социальное время.* – 2019. – № 1 (17). – С. 9–21.
8. *Васильев Я. Ю. Эффект Эдипа и его гносеологический анализ / Я. Ю. Васильев // Философские исследования.* – 2006. – № 3. – С. 127–141.
9. *Анохин П. К. Опережающее отражение действительности / П. К. Анохин // Вопросы философии.* – 1962. – № 7. – С. 97–111.
10. *Васильев Я. Ю. Античный сюжет об Эдипе и одноименный прогнозистический парадокс / Я. Ю. Васильев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия.* – 2018. – № 3. – С. 152–164.

11. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с.
12. Моисеев С. В. Философия права / С. В. Моисеев. – Новосибирск : Сиб. университет. изд-во, 2003. – 203 с.
13. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры / В. А. Лефевр // Лефевр В. А. Рефлексия. – М. : Когито-Центр, 2003. – С. 7–135.

*Ухтинский государственный техни-
ческий университет*

*Васильев Я. Ю., старший преподава-
тель кафедры документоведения исто-
рии и философии*

E-mail: vas.74@mail.ru

Ukhta State Technical University

*Vasiliev Ya. Yu., Senior Lecturer of the
Department of Documentation History and
Philosophy*

E-mail: vas.74@mail.ru